

ВЕЧЕР МЕЖДУ ХУДОЖНИКАМИ

(Пятница, 27-го сентября 1874 г.)

[298]

Шум, говор, крики, волнение; в комнате около десяти человек; все разбились на группы, спорят.

— Однако ж, позвольте. Все, что вы мне говорили так долго, решительно не убеждает меня, и я остаюсь при моем мнении: Верещагин поступил невежливо, отказавшись через газету от звания профессора, да еще в такой форме. По-моему, это просто грубо.

— И только?

— И только.

— Стало быть, вы порицаете только манеру?

— Стало быть.

К спорившим подходит еще один и при последних словах вмешивается:

— Ну, нет! я не согласен с Верещагиным еще в том, что будто бы чины и отличия в искусстве вредны, потому что и за границей, коли на то пошло, нет ни одного известного художника, который бы не состоял в каких-либо чинах, не носил какого-либо отличия или не пристроился бы к какой-либо академии, и это не мешает им быть хорошими художниками.

[299]

Голос из угла:

— Мы этого не знаем; поискать, так, может быть, найдется; а если и в самом деле такого не оказалось бы, тем лучше, значит, опередили... Несколько человек разом:

— Опередили? Да ведь это черт знает что такое? Неужели вы не видите, что Верещагин не признает...

— Господа, позвольте слово!..

— Что вы все кричите, что это ужас, оскорбление, какая-то дерзость и чуть ли не пощечина Академии! Постарайтесь сохранить хладнокровие и разберите дело без лишнего испуга. Всмотритесь в эти странные слова: «Начисто отказываюсь». Не было ли заявляемо когда-нибудь и кем-нибудь

сомнения в необходимости званий для художников и не только званий, но даже большего: полезна ли сама Академия и ее система для развития искусства вообще? Не подвергались ли критике основы этих учреждений? Не говоря об иностранцах, которые в лице лучших критиков искусства и ученых другой специальности давно порешили в принципе этот вопрос...

— Ну да, знаем! Вы говорите о Прудоне, который превознес Курбе?

— Это совсем другое дело, кого он превознес; я говорю о его философской части сочинения...

— Да разве можно делать сравнение? За границей, говорят, можно, не заглядывая в академию, сделаться художником...

— Догадались! Я что хочу сказать? Я говорю, что это дело не новое, даже у нас в печати... впрочем, зачем печать? Говорят, в Совете однажды рассуждали об этом, и были мнения, что это, 'пожалуй, недурно, если бы только взглянули на это...

— Что вы басни рассказываете! Вы отвечайте прямо! Как, по-вашему, нужна Академия или не нужна?

— Да что вы ко мне пристали?

— Да нет, нужна Академия?

— Выпейте стакан воды.

— Что ж вы, нужна Академия?

Рассуждавший посмотрел несколько минут молча и очень спокойно сказал:

— Я вижу, что нужна.

В эту минуту вбегает новое лицо с криком: «Господа, открытие!»

Все: «Что случилось?»

— Удивительное открытие! Чудесное открытие! Невозможное открытие!

Только позвольте, дайте дух перевести; бежал как угорелый. Сейчас получил газету, сам автор принес!

Голоса: «Ну!!»

— Сейчас, сейчас.

[300]

Вынимает из кармана газету. Все смолкают, только один голос полупшепотом заканчивает фразу к соседу:

— Академия этого не перенесет.

— Тсс...

— Внимание! Читает:

— «Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи...» Настает невообразимая тишина. Следует чтение известной статьи академика Тютрюмова.

При словах: «Как мир существует — это, вероятно, единственный пример...», кто-то сострил: «Ой, ой, какая же Академия старая!», а при словах: «Деньги, деньги и деньги, которые он умел ловко и выручать», тот же голос уже совсем некстати заметил: «Что ж, деньги — вещь существенная!»

Читает:

— «...И переходила из уст в уста легенда об англичанине, предлагавшем 200 тысяч...» Несколько голосов одновременно: «Да ведь это же, говорят, правда!» — «Не перебивайте, господа, после! дайте читать!» (Читает.) «...Но когда мало-помалу поразъяснилось, что там, в знойной Азии, сделаны только этюды, а картины писались в Мюнхене и компанейским способом, то после этого ему, пожалуй, и неловко было признать себя профессором».

Чтец остановился и посмотрел на всех:

— «Компанейским способом», господа, напечатано крупным шрифтом, как в объявлениях.

Общее изумление. Голо-с: «Вот тебе раз!»

Все было заговорили, но чтец стал продолжать статью и, окончив следующие слова: «...что разные недочеты в картинах, пожалуй, повредили бы продаже, а ему надо было расплатиться во что бы то ни стало со своими сотрудниками», — чтец решительно останавливается, вынимает папироску и закуривает. Все молча делают тоже; кое-кто посвистал, а голос из угла добавил, как бы в пояснение: «Скандал!»

— Позвольте, слушайте дальше (Читает.) «Каталог, по объему стоящий не менее 25 коп. в печати, продавался по 5 к.» (Сосчитал ведь!..) «За сохранение платья уплачено г. Верещагиным...» (Смех.) «К усилению действий таких благодетелей две картины истребил собственными руками...»

Голос из угла: «Как же так, а компания Верещагина была в Петербурге в это время?»

— Да не перебивайте же пожалуйста! (Читает.)

«...Профессорство обязывает быть строгим в своих творениях».

Тот же голос: «Еще бы, разумеется!»

— «...Фигуры зачастую длинноваты»...

[301]

Кто-то опять полупшепотом соседу: «Это совершенно справедливо, нарисовано скверно, да и колорит противный».

Голос из угла: «Что вы там бормочете? Ведь странно говорить, разбирая картины Верещагина, что фигуры длинноваты».

Чтение продолжается: «...Но, как бы то ни было, под влиянием огромной массы картин и убеждения в трудностях совершенного Верещагиным путешествия большинство членов Совета Академии художеств пересилило противную сторону и присудило ему звание профессора...»

Голос: «Позвольте, позвольте, господа, кто же это пишет? Ведь Тютюмов в Совете не заседает, откуда же он мог узнать, как было дело? Ведь как происходят прения, никто никогда не знает; Академия своих протоколов не печатает, и даже члены Совета никогда не позволяют себе разглашать, кто и что говорил. Это странно!»

Голос из угла иронически: «Вы бы хотели, чтобы Академия печатала свои протоколы?»

— Признаюсь...

— Ну и признавайтесь.

— Господа, да не перебивайте же! (Читает.) «...Мы бы ничего не сказали, если бы Академия внесла- г. Верещагина в список ее почетных членов; это было бы, по нашему мнению, тахітум почета, которого...».

Голос из угла: «Это выходит, чем тебя я огорчила! Семь лет ждешь профессора и не дают, а тут прохвост какой-нибудь говорит: «не надо!».

— Да молчите же, господа, это черт знает что такое!

Читает:

«...Верещагину следовало бы отказаться в письме к Академии, приличном по форме и содержанию».

Тот же голос добавляет: «Так. А любопытно, что было бы, если бы Верещагин последовал этому совету?»

После этого чтение оканчивается уже без перерывов. Несколько минут

все посматривают друг на друга, одни улыбаясь, другие только разводят руками. Наконец, несколько рук протягиваются одновременно: «Дайте сюда, пожалуйста! Какая это газета?»—«Русский мир». Голоса со всех сторон: «И редакция поверила?»

— Да ей-то что? Не она отвечает.

— Послушайте, а осторожность...

— А почему вы знаете, может быть, у нее и есть авторитетное ручательство.

— Однако ж это черт знает что такое!

— Позвольте, а что если это правда?

Господин, говоривший полусшепотом, возвышает голос, несколько гнусливо объявляет: «Да ведь вы же слышали, что невозможно написать такую массу картин в 4—5 лет. Физически невозможно! И я слышал за верное, что все писано другими».

[302]

— Будто невозможно? А Рубенс, Айвазовский?

— Ну да, толкуйте тут.

Затем все поднимаются со своих мест; начинаются споры, защита, опровержения, и уже скоро нельзя было бы разобрать ничего, если бы человек, сидевший в самом углу и оказавшийся высокого роста, не поднялся с места и не заговорил так громко, что решительно осилил всех:

— Господа, такие вещи, как обвинение в подлоге, да еще таком, который имел своим следствием получение 90 000 р. за художественные произведения сомнительного качества, слишком серьезны, чтобы не обратить на это никакого внимания.

— Ну, что ж вы сделаете?

— Как это сделаю! Скажу, что это мерзость.

— Что — мерзость?

— Как что мерзость? Печатать такие вещи.

— Ну, а если Тютрюмов докажет?

— Чем?

Гнусливый голос: «Да физически невозможно».

— Черт знает, что вы городите! Во 1-х, ведь это видно, что писала одна

рука, а потом, один вон пять строк сочиняет три дня да так и бросит, а другой целое сочинение обрабатывает.

— А техника?

— Техника? Не мусольте сто раз одно место.

— Ну, а зачем он не взял 200000, если ему их давали? Патриот.

— Да ведь он же получал пособие от правительства, поймите!

— Как хотите, а физически невозможно все одному сделать.

— Хромой совсем не ходит.

— Мне говорили.

— Вот человек! Ему говорили, и он захотел поверить. Да сообразите одно обстоятельство: положим, Верещагину написали другие. Кто же другие? Ведь одно из трех: или компания была хуже его (тогда о чем же речь?), писала по этюдам, а он все это переделал; или компания должна состоять из таких художников, которые сами могли бы написать «Хор дуванов», «Продажа мальчика», а такие художники известны, они все наперечет, и я сомневаюсь, чтобы они стали писать Верещагину (но, положим, за деньги чего нельзя сделать?); или же, последнее, Верещагин заказал картины художникам гораздо лучше его? Но ведь это уже нелепость! Вам и этого мало? Прекрасно, пусть будет по-вашему. Верещагин такой пройдоха, что все мог сделать. Ему написали другие. Что же делает Верещагин? Заплатил небось деньги. А вот Тютрюмов с компанией знают, что он еще не заплатил и, несмотря на то, везет всю коллекцию год тому назад, поймите это, в Лондон, показывает картины, выдает за свои, а компания все ждет и молчит; а он себе катается по Европе, забравши все из Мюнхена. И это можно было сделать, по-вашему, с немцами? Одумай-

[303]

тесь! Да еще на придачу Тютрюмов говорит, что Верещагин, чтобы оказать публике особое благодеяние, уничтожает две картины, быть может, лучшие, которые, надо полагать, при продаже ведь не даром же пошли бы? Компаниям это позволила сделать? Эх, вы!!

Общий неудержимый смех.

Голос:

— «Господа, причины, побудившие г. академика Тютрюмова огласить

такие криминальные обстоятельства, сколько можно понять из статьи, были уважительны: он хотел в интересах публики раскрыть истину».

— Еще бы! Только вот что странно: зачем он дает совет Верещагину, лучше написать вежливый отказ в самую Академию? Можно подумать, что...

Голос посильнее, перебивая:

— Нет, хорошо: за что, он говорит, дали профессора? За массу и за путешествие... Вот так одолжил Академию!

— Знаете что? Мне только что сейчас пришел в голову один вопрос: решился бы г. Тютрюмов разоблачить Верещагина в его проделках, если бы он, положим, не отказался от звания, а принял бы его? Или если бы Академия не нашла нужным рассуждать о Верещагине? Ведь то обстоятельство, что Верещагин не сам писал картины, Тютрюмов все равно своевременно узнал бы? В своей статье он обнаружил талант положительный: так ловко переплелись рассуждения с указаниями на факты, будто бы случившиеся, и в то же время так сильно сквозит негодование за нарушение всех приличий и порядочности, что на первый раз не уловишь, даже несмотря на заглавие, что здесь главное — то ли, что картины Верещагина далеко не так хороши, как о них прокричали, или то, что отказ его от звания профессора есть возмутительный поступок, или же, наконец, подлог?;;;; Исключая последнее обстоятельство, о котором в статье говорится утвердительно, обо всем остальном повествуется в каком-то неопределенном тоне? Как будто что-то утверждается и в то же время — нет. Кроме того, Тютрюмову известно, как даже происходили прения в Совете, которые никогда не оглашаются, а в печати, можно смело сказать, появляются в первый раз. Я не думаю, чтобы Академия была благодарна Тютрюмову за эту неосторожность. Мы ведь положительно хорошо дело знаем, а у людей посторонних может возникнуть, пожалуй, странное сближение.

— То-то и есть, вот с вашим красноречием всегда так,— не даете договорить. Разве вы забыли? Тютрюмов же сам говорит: «Мы бы ничего не сказали, если бы ему дали почетного члена, а то...»

Голос хозяина:

«Господа, первый час ночи; пожалуйста закусить». Все поднимаются со своих мест и уходят в другую комнату, столовую, из которой слышится возглас: «Кто его уполномочил говорить: мы, русские художники?..»

Но звуки ножей и тарелок заглушают разговор окончательно, а жаль...